

В.В. Чекушин

АПЕЛЛЯЦИИ К КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВЛ.М. КРУТОВСКОГО

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края
и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001.*

Анализируется публицистика Вл.М. Крутовского в красноярском журнале «Сибирские записки» (1916–1919 гг.). Выявляются особенности рецепции Крутовским текстов русской классической литературы, в первую очередь очерков и романов М.Е. Салтыкова-Щедрина. Выявляется роль аллюзий в публицистике «младшего» областника – они служили инструментом трансляции общественно-политических идей, а также являлись способом рефлексии, осмысления и описания современной автору реальности.

Ключевые слова: Вл.М. Крутовский; М.Е. Салтыков-Щедрин; литературоцентризм; «Сибирские записки»; журнал как средство консолидации

Идеологи сибирского областничества на протяжении всей своей творческой карьеры разделяли «одно из важнейших положений “шестидесятников” об активном воздействии литературы на действительность» [1. С. 58]. Для Г.Н. Потанина беллетристика «всегда была <...> лишь средством достижения вне-литературных целей» [1. С. 66]. Н.М. Ядринцев, в свою очередь, «считал литературу важнейшим средством пробуждения социальной активности, развития самосознания сибиряков, воспитания гражданственности» [2. С. 7]¹. Именно подобными установками, по мнению Б.А. Чмыхало, объясняется их желание создать собственный сибирский журнал [1. С. 59]. Однако замысел Ядринцева и Потанина только в 1916 г. смог реализовать их младший последователь, врач, общественный деятель и публицист Вл.М. Крутовский, организовавший в Красноярске журнал «Сибирские записки». Этот проект был призван решить задачу консолидации интеллектуальных сил Сибири и стать платформой для реализации областнической программы – в журнале регулярно выходили обзоры деятельности областнических организаций в городах Зауралья. В такой перспективе для Крутовского словесность становилась средством создания своеобразного «культурного поля», поэтому значительную часть материалов журнала во все годы составляли художественные произведения сибирских литераторов. Неслучайно даже в пореволюционном 1919 г. он писал о необходимости продолжать издание «ради того, чтобы не молчать в это трудное время, а, наоборот, высказываться по жгучим текущим вопросам – исполнению гражданского долга» [4. С. 2]. Судя по всему, Крутовский разделял взгляды своих современников, революционеров-подпольщиков конца XIX – начала XX в., в сознании которых «сфера литературы и политики, активизма реального и беллетристического переплетались до неразличимости» [5. С. 28–29]. В итоге для Крутовского издание журнала фактически приравнивалось к политическому действию, а сами «Сибирские записки» выделялись важным печатным органом, позволявшим транслировать взгляды части сибирской интеллигенции. «Сибирские записки», как оказалось впоследствии, стали последним изданием, «близк[им]

областнической программе» [6. С. 294]. Журнал, редакция которого находилась прямо в доме Крутовского, просуществовал до конца 1919 г., после чего был закрыт большевиками.

Однако публицистическая карьера Крутовского началась задолго до появления собственного издания. В 1880-х гг. он сотрудничал с петербургской газетой «Восточное обозрение», редактором которой в те годы был Н.М. Ядринцев. Как отмечает П.Н. Мешалкин, «[о]дну из существенных особенностей <...> статей и докладов Крутовского составляет критическое начало: его критика охватывает все сферы жизни общества и адресуется либо центральной, либо местной власти, городской думе, городскому голове, отдельным купцам-предпринимателям» [7. С. 12–13]. При этом публицист, критикуя явления социальной жизни, часто апеллировал к литературным образцам. Это может говорить о схожем со «старшими» областникам понимании словесности как средства достижения внелитературных целей².

Приведем характерный пример. В статье, написанной для газеты «Сибирские вопросы» (1909 г.), Крутовский критиковал работу сибирских полицейских: «Иркутская газета “Сибирская заря” дает своим читателям фельетон “Дела и подвиги сибирского сыщика Блинова”. <...> Мы не читали этих фельетонов и не знаем, в чем заключаются подвиги <...> Блинова, но, вероятно, он проявлял массу остроумия, изобретательности, находчивости и всего того, что полагается для подобных литературных типов. Действительность дает другую картину и, на самом деле, в жизни сибирские Пинкертоны очень далеки от своих английских и американских собратьев» [8. С. 16]. Далее, в подтверждение вывода о несостоятельности сибирских сыщиков, автор пересказывал вычитанный из газет реальный репортаж о расследовании пропажи железнодорожных шпал, в котором пойманный на краже крестьянин обещает назвать тех, кто еще занимался воровством на путях. Среди них оказались высшие полицейские чины. Главным приемом критики в данной статье стал максимально эксплицированный иронический контраст – местные сыщики в жизни сильно уступали в честности и профессионализме своим литературным «коллегам»³.

В публицистике Крутовского встречаются и диаметрально противоположные примеры, когда реальность «поднимается» до уровня литературы. Подводя итоги съезда представителей городов Восточной Сибири, Крутовский ссылаясь на слова одного из участников, который «на заключительном ужине провел параллель между мировоззрением и миропониманием Дон-Кихота и Санчо-Панчо. По мнению оратора, съезд был олицетворением практичности Санчо-Панчо и чужд парения и вдохновения Дон-Кихота. Что касается последнего, то это совершенно верно, но относительно первого вполне несправедливо. Съезд не парил под облаками, не искал “Синей птицы”, но он и не ограничивался только хлебом насущным» [12. С. 169]. В этом отрывке автор контаминировал образы сразу из двух произведений европейской литературы – романа Сервантеса и вышедшей в начале XX в. пьесы Метерлинка. С одной стороны, это позволяло метафорически описать основную особенность работы съезда, а с другой – приравнять делегатов, в том числе и себя, к литературным героям общеевропейского значения. Такое отождествление позволяло «обогащать» реальность и повысить символическое значение хотя и важного, но периферийного события.

Схожий прием Крутовский использовал и при описании конкретных обстоятельств собственной жизни. В одном из писем к Г.Н. Потанину он сообщал о своем конфликте с губернатором: «Наш герой положительно старается подражать щедринским градоначальникам из “Истории города Глупова” и даже во многом их превосходит. Всего Вам не опишешь, так как каждый день являешься свидетелем его идиотских хвалебных выходов, и это целая эпопея – Телехиада, которая ждет своего Пимена»⁴ [13]. Автор письма сразу задает литературоцентричный фокус своего рассказа – бытовую историю предложено прочитывать сквозь призму щедринского романа и «Тилемахиду» В.К. Третьяковского. Связующим звеном между «реальным» и «литературным» становится образ летописца Пимена, героя пушкинского «Бориса Годунова» (он также упоминается в предисловии «От издателя» в «Истории одного города») – он снова должен «стать свидетелем» противостояния красноярской интеллигенции и чиновничества. Такое описание позволяло далее заявить о том, что Крутовский и «все общество» находятся «в страшной опале». Здесь мы снова видим пример символического «обогащения» провинциальной реальности за счет эксплуатации образов классической русской литературы. «Вписывание» в бытовые и общественные конфликты героев художественных произведений позволяло придать происходящему символическое измерение.

Однако заимствованные у Щедрина образы могли наполняться и «местной спецификой». Так, по словам Крутовского, «весь народ» зовет губернатора «“Богдан-шканом” – это здесь старинный народный прототип, и теперь “Богданчик” – нарицательное имя. <...>. “Богданчик” игнорирует все наши общественные дела и начинания, и в противовес нам одно за другим открывает новые общества, конечно, мертворожденные – плод канцелярщины» [13]. На материале местного фольклора Крутовский трансформировал щед-

ринского градоначальника Органчика в сибирского – Богданчика, выстраивая тем самым образ реально существовавшего чиновника на основе черт литературного персонажа (подробный разбор такого способа рецепции классических литературных текстов будет произведен ниже).

По замечанию Г.Н. Потанина, похожий способ «работы» с наследием сатирика был характерен для публицистики Н.М. Ядринцева, который «брал готовые типы у Щедрина, переселяя их в Сибирь и к щедринским ударам присоединял несколько своих. Иногда это походило на плагиат <...>» [15. С. 44]. Не приходится сомневаться, что последователь областников Крутовский, лично познакомившийся с Ядринцевым еще в середине 1880-х гг. [7. С. 17], был хорошо знаком с его работами. Более того, в 1919 г. Крутовский выпустил специальный номер «Сибирских записок» к 25-летию со дня смерти старшего областника.

Потанин тоже ценил Салтыкова-Щедрина «и как писателя, и как демократа» и «часто сочувственно его цитировал» [16. С. 98]⁵. Этим может объясняться тот факт, что наследие автора «Губернских очерков» стало основным резервуаром образов и для Крутовского. Именно поэтому в дальнейшем мы сосредоточимся на исследовании «щедринского слоя» его публицистики на материале статей, опубликованных в «Сибирских записках». Важно также отметить, что образы и полемические приемы из произведений классика часто воспринимались Крутовским сквозь призму ядринцевской публицистики. В целом же образы литературы метрополии Крутовский использовал для легитимации и продвижения собственных идей и взглядов на социальную действительность.

В письме к Потанину от 27 февраля 1916 г. Крутовский описывал свой вклад в работу «Сибирских записок» так: «Я и секретарь, я и сторож, и разносчик, и экспедитор, и писатель, и редактор» (цит. по: [14. С. 121]). Как мы видим, издатель полностью контролировал редакционную политику журнала и в то же время являлся активным автором, публикуясь практически во всех номерах, часто помещая в один номер несколько своих работ. Логично, что именно в статьях для «Сибирских записок» наиболее полно проявились способы рецепции наследия литературы метрополии, ядро которой в работах Крутовского и составили щедринские тексты.

Уже в первом выпуске журнала Крутовский, большинство статей которого выходило в рубрике «Областное обозрение», использовал полемический прием, характерный для очерков Салтыкова-Щедрина. Сетую на то, что реформы в Сибири реализуются с задержкой на несколько десятилетий или не исполняются совсем, автор метонимически уподоблял местных жителей пассажирам неторопливого старика-лодочника Пахомыча. Последнего приходится долго ждать, чтобы переправиться на другой берег реки. «Пахомыч <...> видит, что приехали и нужно гнать на другую сторону паром, но куда торопиться. Подождут. Ведь животники нужно пересмотреть, чайку попить, трубочку выкурить, солнце еще высоко, успеем. Подождут! Куда торопиться. И волей-неволей

приходится ждать» [17. С. 154–155]. Образ Пахомыча возник в статье сначала при разговоре о необходимости организации в Сибири земских учреждений, а затем в рассуждениях о расширении Томского университета. Возможно, имя героя Крутовский мог позаимствовать из «Истории одного города»: так звали одного из «ходовков», которые должны были от имени жителей потребовать хлеба у градоначальника Фердыщенко. Вместо этого он придумал «верное средство – это начать во все места просьбы писать» [18. Т. 8. С. 315]⁶. Источниками имени могли также быть герой народного театра, в котором в XIX в. «бытовало представление “Пахомушка”» [19. С. 419]), и персонаж некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо» старик Пахом.

Метонимическое использование одного и того же литературного образа в целях полемики было характерно и для Щедрина. Так, к примеру, во введении к «Господам ташкентцам» сатирик активно эксплуатировал образ фонвизинского Митрофана, в том числе для метонимического изображения части дворянской элиты, не желающей учиться и становиться профессионалами в какой-либо области. Вот как это описано в произведении: «Всюду, куда мы ни обратимся, встречаем один ответ: погодите! еще время не ушло!

У нас есть сословие адвокатов... погодите! еще время не ушло!

У нас есть гласный и устный суд... погодите! еще время не ушло!

У нас есть земские деятели... погодите! еще время не ушло!

У нас есть опыты крестьянского самоуправления... погодите! еще время не ушло!

– Погодите! не торопитесь! куда спешить! – в один голос вопиют все Митрофаны, и вопиют так громко, что посторонний человек останавливается в каком-то странном недоумении. <...> [О]н видит, ясно видит, что вся поспешность здесь заключается в том, чтобы не спешить» (10, 21–22). Иными словами, в щедринском творчестве персонажи классиков-предшественников «становятся привычным средством художественной символизации современных писателю явлений политики и общественного сознания» [20].

Старика Пахомыча и Митрофана роднит медлительность и нежелание быстрых общественных перемен, необходимых для модернизации. Тем не менее, судя по всему, щедринский полемический прием был воспринят Крутовским не напрямую, а сквозь призму публицистики Ядринцева. В «Очерках общественной жизни» «старший» областник описал специфически сибирского персонажа, Кондрата, опираясь при этом на эстетику автора «Господ Головлевых» [21. С. 75]. Таким образом, прямым «предшественником» старика Пахомыча можно также считать ядринцевского героя.

При этом параллелизм между собственным текстом и введением к «Господам ташкентцам», возможно, осознавался Крутовским не до конца, поскольку обычно аллюзии и цитаты (иногда воспроизводимые неточно) в его публицистике выставлены напоказ и взяты в кавычки. Например, в другой статье, содержащей рассуждения о том, где необходимо построить

второй сибирский университет, встречается взятая в кавычки, но искаженная цитата из Щедрина: «Можно, конечно, усмотреть и в защите Иркутска красноярцами, а Владивостока никольцами также элементы “местных вождедений”», но это только доказывает, к сожалению, то обстоятельство, что *пока* сибирская пресса еще не сумела поставить вопрос на должную высоту, не сумела еще рассматривать его в свете *областных* (здесь и далее курсивы автора. – В.Ч.) нужд и интересов» [22. С. 122]. Автор статьи здесь отстаивал мысль о том, что университет необходимо организовать исходя из интересов всей Сибири, а не конкретного города – интеллектуальный центр необходим там, где уже сформировалась развитая социокультурная среда. Взятая в кавычки фраза, на наш взгляд, отсылает к рассуждениям героя зарисовки «Скука», входящей в «Губернские очерки»: «О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаниями те мелкие вождедения, исключительно направленные к материальной стороне жизни» (2, 225). Судя по всему, здесь Крутовский намеренно искажил щедринскую фразу, пользуясь фонетическим сходством форм слов «мелких» и «местных». Такая замена позволяла показать недалекость «материальных» притязаний конкретного города, не учитывающего интересы всего сибирского региона.

Иными словами, публицист имплицитно подчеркивал провинциализм тех, кто не считается с потребностями всей Сибири. Для читателя, знакомого с очерком Щедрина, данная мысль кодировалась еще и следующим рассуждением о вреде провинциальной жизни из «Скуки»: «Какая возможность развиваться, когда горизонт мышления так обидно суживается, какая возможность мыслить, когда кругом нет ничего вызывающего на мысль?» (там же). Против такого сужения «горизонта мышления» в вопросе создания второго университета и выступал Крутовский. Он считал, что необходимо основать учебное заведение в Иркутске, так как там уже сформировалась достаточная интеллектуальная и культурная среда и это даст толчок к дальнейшему росту числа образованных сибиряков. Для аргументации он использовал апелляции к авторитету Потанина, который «указывал на Иркутск как исторически сложившийся в Сибири умственно-культурный центр» [22]. «В Иркутске уже в то время, когда вся Сибирь, можно сказать, была полное запустение, уже работало Восточно-Сибирское географическое общество, общество врачей, <...> и первая газета в Сибири появилась в Иркутске. Здесь же – давно существуют прекрасный музей и метеорологическая обсерватория. Иркутск уже в то “доброе старое время”⁷ жил довольно интенсивною умственной жизнью» [22. С. 126–127].

«Щедринское» название получил и травелог «История одной инициативы», в котором Крутовский описывал свое путешествие в село Старое Бардинское Бийского уезда. Автор с удивлением узнал, что в глухом селе есть телефон и электричество: «Село как село. <...>. Но прежде всего бросалось в глаза неви-

данное явление для деревни в Сибири, да, пожалуй, и в России, это столбы по улицам, на которых были натянуты проволоки. <...> Было несомненно, что по селу идут электрические провода. Да, вот и отдельные столбы с лампочками накаливания – уличное освещение» [23. С. 87]. Основным художественным приемом при создании очерка стал контраст – последние технические достижения не улучшили положения жизни местного населения, поэтому на их фоне описывался неустроенный быт жителей поселения. Автор иронично описал типичную избу в Барде: «Как это ни странно и необычайно – пришлось в этой маленькой, грязной и необходимой избе пить чай при электрическом освещении. <...> Пришлось ночевать; и при полном электрическом освещении улегся на грязном полу, подостлать под себя свое пальто и ожидая нашествия, смотря по общей обстановке квартиры, массы ночных гостей: клопов, блох и тараканов» [23. С. 87]. Автор выяснил, что причиной упадка села стали экономические проблемы артели. Ее глава, некий Антонов, вынудил жителей набрать кредитов на постройку мельницы, молочного завода и других хозяйственных построек. При описании проблем Барды автор использовал не только художественные средства, но и цитаты из местных газет, конкретные цифры и экономические показатели. Возможно, на такой способ письма повлияло радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», которое «не принадлежит к “чистой” публицистике, не к “чистой” беллетристике» [24. С. 602]. На стыке между публицистикой и художественным письмом создал свой травелог и Крутовский.

Наиболее же эксплицитно приемы использования литературных образов в целях общественно-политической полемики представлены в тех статьях, где Крутовский оценивал итоги Октябрьской революции и последующие за ней события. Так, неготовность общества к демократизации, которая началась после Февральской революции, он осмыслял, эксплуатируя образы, созданные Г.И. Успенским. По словам Крутовского, другой публицист «очень кстати вспоминает в одном из своих обозрений слова одного из персонажей Гл. Успенского, который самообличительно говорит: “Вот с эдаким то рылом мы и въехали из крепостного права прямо в леформу”. Это фразу можно повторить и сейчас, и она будет также кстати и также уместна. Вот с таким же “рылом” мы въехали в март 1917 г. в социальную “леформу” и потом последовали соответствующие результаты» [25. С. 55]. Здесь автор цитирует слова героя очерка Успенского «Затруднения купца Тараканова», чтобы доказать тезис о неготовности страны к событиям Февраля, следствием чего стала последующая победа большевиков⁸. Далее автор переходил к критике победителей: «Наш доморощенный “большевизм” – это именно то несуразное “рыло”, которое никогда социализма не нюхало, слышало об нем только одно – “все мое – мое и все твоё мое” – этот упрощенный острожный социализм и за этой то ясной и простой формулой на страх и ужас обывателя пошла огромная рать темных людей, а к ней примазались всякие проходимцы уголовного типа» [25. С. 55]. Литературная аллюзия позво-

лила Крутовскому наглядно иллюстрировать тезис о том, что победившие большевики извратили идею социализма. Далее это утверждение снова иллюстрировалось с опорой на литературные авторитеты. В статье приводится обширная цитата из «Несвоевременных мыслей» Горького: «Большевизм не желает поднять “демократизм” выше, а он всеми силами стремится опустить культурные приобретения до зоологического демократизма. И справедливо Максим Горький в одном из своих фельетонов с горечью восклицает: “Нет – в этом взрыве зоологических инстинктов не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии”» [25. С. 57].

В середине статьи использование литературных образов предельно интенсифицируется: Крутовский пишет, что большевики, приходя к власти, сфальсифицировали «народную волю» «искусственно созданными съездами представителей народа» [25. С. 58]. В итоге, по мнению публициста, Россия надолго потеряла шансы стать «прекрасной демократической федерацией населяющих ее народов, возможность которой была так близка» [25. С. 59]. Для усиления эмоциональности фрагмента Крутовский завершает его цитатой из Пушкина, написанной с красной строки: «А счастье было так возможно, так близко!» [25. С. 59].

Следующие за этим абзацы полностью смонтированы из эксплицированных литературных аллюзий: «И мы вновь – у разбитого корыта. Опять повторилась сказка о рыбаке и рыбке, о глупой жадной старухе, которая, как некогда поэтесса Гиппиус: “Сама не знала чего хотела”» [25. С. 59]. В одном предложении Россия метонимически изображается в образе старухи из пушкинской сказки и одновременно сравнивается с героиней З.Н. Гиппиус. Возможно, здесь автор неточно цитирует произведение «Песня», где лирическая героиня поэтессы описывала себя так: «Стремлюсь к тому, чего я не знаю, / Не знаю...» [27. С. 28].

В конце статьи эмоциональность текста продолжает нарастать, в частности, с помощью эксплуатации привычных для публицистики Крутовского щедринских тем: «А говорят, что история не повторяется. Нет, она не повторяется только для тех, кто ее хорошо изучает, кто принимает к сведению и руководству ее урок и она повторяется для головопатов щедринского типа, для которых законы не писаны и которые с гордостью провозглашают, <...> что они “без науки все науки прошли”» [25. С. 59]. В этом отрывке жители России, допустившие революцию, сравнивались с народом из романа «История одного города», а на это сравнение накладывалась прямая цитата из «Губернских очерков» (именно такую автохарактеристику давал заглавный герой одного из них Горехвастов).

Далее автор продолжает: «Мы попали в руки вятских пошехонцев и мы заблудились в 3 соснах. Аллах ведаёт, кто выведет нас теперь из этого глупого леса и как мы избавимся от этой глупой, жестокой и вредной пошехонской стряпни» [25. С. 59]. Здесь Крутовский снова насытил текст интертекстуальными связями, монтируя цитаты и ситуации из разных щедринских произведений. Фактически же весь отрывок являлся

парафразом авторской сноски в предисловии к роману «Пошехонская старина» (эффект усиливался двукратным использованием «щедринского» эпитета «глупый»): «Прошу читателя не принимать Пошехонья буквально. Я разумею под этим названием вообще местность, аборигены которой, по меткому выражению русских присловий, в трех соснах заблудиться способны» (17, 7). Именно классический текст определил использование Крутовским образа России, «заблудившейся в трех соснах» после Октябрьской революции.

Итогом революции стало «оживление» героев сатирика, которые буквально проникли в реальность: «[Д]ля наших политических авантюристов законы не писаны. Они сами издают декреты и крайне безграмотные и глупые. Читая их, как будто читаешь Щедрина, который оказался бессмертным. Его законодателя Глупова ничем в своей глупости не отличаются от современных Петроградских. Кто бы мог подумать, что мы в жизни проведем идеалы этих щедринских законодателей» [25. С. 64].

Похожая литературоцентричность характерна и для «Истории одного города». Как пишет И.Ю. Роготнев, «бросающейся в глаза чертой поэтики романа является его избыточная литературоцентричность. Он не только пародирует феномены русской книжной культуры, но и в целом стремится к тождеству события и высказывания» [28. С. 264–265]. Таким образом, щедринский «[т]екст творит себя сам, сам себя объясняет и сам с собою встречается» [28. С. 265]. Итогом такого способа письма становится эффект того, «что социальная жизнь становится похожа на очевидную “небывальщину” и “литературщину”» [28. С. 265]. Судя по всему, Крутовский хотел добиться в своей антибольшевистской статье сходного эффекта – Октябрьская революция описывалась им как литературная «небывальщина», воплотившаяся в жизнь, где, как и в художественном мире Щедрина, «написанное и реальное становятся неразличимы» [29. С. 92].

Литературные аллюзии были вспомогательным средством и при критике противостоящего большевикам Колчаковского правительства, установившегося в Сибири в 1918 г. Причем цитаты из Щедрина снова контаминировались в публицистике Крутовского с образами из произведений других классиков. Так, пассаж с критикой способа принятия новой сибирской конституции начинался цитатой из сатиры А.К. Кантемира (причем Крутовский ошибочно приписывал ее Г.Р. Державину): «В жизни сей лишь тот блажен, / Кто малым доволен» [30. С. 97]. Вся последующая аргументация стала последовательным опровержением данного тезиса – автор не готов довольствоваться малым и принять декоративный парламентский орган и одобренные им документы, поэтому опровергает кантемировский тезис, опираясь на творчество Щедрина. «Ведь еще во времени Щедрина один из персонажей его сатиры спал и видел получить “хоть куцую да конституцию”, а другой либерал мечтал о чем-то новом и только никак себе ясно не мог представить – хочется ли ему конституции или севрюжины с хреном. Мы во всяком случае не хотим ни куцой конституции, а тем более севрюжины с хреном» [30. С. 97].

Основной образ здесь заимствован из щедринской «Книги о праздношатающихся». А при упоминании «куцой конституции» Крутовский снова допустил ошибку при атрибуции цитаты – слова приписывались героям сатирика. Однако на самом деле такая эпиграмма была напечатана в газете «Московские ведомости» по поводу обсуждений конституционного проекта Лориса-Меликова: «Сыны Российской нации / Желают, граф, немногого <...>. На первый раз хоть куцую / Им дайте Конституцию (цит. по: [31. С. 236]). В то же время на сатиру конца XIX в. в сознании Крутовского могло «наложиться» стихотворение Блока «Поэты», лирический герой которого считал «куцую конституцию» уделом обывателей: «Ты будешь доволен собой и женой, / Своей конституцией куцой, / А вот у поэта – всемирный запой, / И мало ему конституций!» [32. С. 89]. Критика действий власти здесь снова опиралась на классическую литературную традицию, что должно было придать аргументации Крутовского большую убедительность.

Однако в этой же статье автор все же выражал сдержанный оптимизм: политические деятели, по его словам, «убедились теперь, что при помощи и лишь восстановления старых приятелей – Мырцеова и Держиморды – ход государственной машины не восстановишь. Они, эти поклонники “умеренности и аккуратности” поняли, наконец, что какая-то бы ни была единая власть, она без опоры не сможет ничего сделать» [30. С. 104–105]. Силловые методы организации власти олицетворялись здесь в фигурах Держиморды из гоголевского «Ревизора» и будочника Мырцеова из рассказа Г.И. Успенского «Будка». Именно «образ квартального надзирателя в сатире Салтыкова – эзоповское обозначение существующего полицейско-самодержавного режима» (12, 640). Далее щедринский образ разворачивался более эксплицитно – автор перефразировал название произведения сатирика «В среде умеренности и аккуратности», критикуя отсутствие инициативы у законодателей по вопросу принятия Конституции. Критика нерешительности оппонентов в переходный для Сибири период имплицитно «подсвечивалась» отсылкой к указанному тексту классика: «О, счастливые, о, стократ блаженные Молчалины! Они бесшумно, не торопясь переползают из одного периода истории в другой, никому не бросивши слова участия, но и никого не вздернувши на дыбу <...>! Никто ими не интересуется, никто не хочет знать, делают ли они что-нибудь или просто сидят и бьют в баклуши, никто не трепещет и не благоговееет перед ними...» (12, 9). Здесь мы опять видим, что грань между современной Крутовскому действительностью и щедринскими текстами практически стирается, поэтому критика снова плотно сопрягается с литературным контекстом.

Итак, апелляции к классической литературе, ядро которых составили щедринские тексты, использовались Крутовским для трансляции собственных общественно-политических идей. Основной площадкой для их выражения стал журнал «Сибирские записки» – издание, которое, по мысли его создателя, должно было консолидировать областнически настроенную часть сибирской интеллигенции. Впоследствии

выставленная напоказ интертекстуальность стала способом осмысления социальной действительности и средством критики оппонентов в пореволюционные годы. Крутовский, выступавший и против большевиков, и против колчаковцев, прямо сравнивал тех и других с отрицательными героями сатирика – жителями Пошехонья, Глупова и провинциального Круто-

горска («Губернские очерки»). Такой способ рецепции говорит о литературоцентричном мировоззрении «младшего» областника. Этот вывод подтверждается и тем, что Крутовский, описывая собственную жизнь, часто прибегал к сравнениям ее с сюжетами из произведений Щедрина, что позволяло придать собственной биографии большую символическую значимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Такая установка обусловила эстетические неудачи старших областников, не сумевших создать значимых художественных произведений. О причинах, из-за которых Потанину и Ядринцеву не удалось завершить роман «Тайжане», см.: [3].
- ² Кроме того, для Крутовского классическая литература метрополии являлась своеобразным эталонным мерилем таланта деятелей других интеллектуальных и творческих областей. Так, в некрологе В.И. Сурикову, который, как хорошо известно, родился и провел юность в Красноярске, Крутовский, желая подчеркнуть его значение для отечественной культуры, цитировал слова из статьи живописца Нестерова, сравнивавшего Сурикова с Достоевским [9. С. 179]. Выбор цитаты характерен для литературоцентричного мировоззрения Крутовского – масштаб суриковского таланта и его значимость для отечественной культуры определялась при сопоставлении с писателем-классиком.
- ³ Интересно, что М.Е. Салтыков-Щедрин, который, как мы покажем ниже, был одним из важнейших для Крутовского классиков, при создании в своих произведениях иронического эффекта использовал схожий прием. Только материалом для сопоставления у него служили не литературные герои, а библейские образы. Как отмечает Б.И. Матвеев, «[н]ередко у Щедрина персонажи сравниваются с библейскими, что придаёт изображенному, как правило, иронический характер» [10. С. 6]. Кроме того, автор «Истории одного города» одним из первых «превратил церковнославянизмы из признака высокого стиля в средство сатиры» [11. С. 734].
- ⁴ Исследователь творчества Крутовского А.В. Броднева предполагает, что «Телехиада» – это «ироничное название от “Илиады” Гомера» [14. 184]. Мы не можем солидаризироваться с этим мнением полностью. Крутовский, часто ошибавшийся при цитировании, мог незаметно «смешать» два названия – «Тилемахиду» Триаковского и гомеровскую «Илиаду».
- ⁵ Необходимо оговориться, что областники не во всем соглашались с автором «Господ Головлевых» и даже полемизировали с ним в прессе. См. об этом: [16. С. 95–105].
- ⁶ Далее ссылки на это издание даются в основном тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.
- ⁷ Взятое в кавычки словосочетание является названием романа уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка.
- ⁸ Успенский мог быть близок Крутовскому не только своими общественными взглядами, но и тем, что он был связан с Сибирью. В конце 1880-х гг. писатель приезжал в Сибирь. Подробнее о его жизни в Томске см.: [26. С. 61–80].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чмыхало Б.А. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е годы XIX века // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск : Наука, 1990. С. 57–74.
2. Постнов Ю.С. Н.М. Ядринцев – литературовед и критик // Литературное наследие Сибири. Т. 5 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. С. 7–18.
3. Григоренко Р.А. Роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» как предопределенный неуспех: поэтика замысла // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 24–32.
4. Крутовский Вл.М. От издателя // Сибирские записки. 1919. № 1. С. 2.
5. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
6. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
7. Мешалкин П.Н. Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв. Красноярск : Центр по охране и использованию памятников истории и культуры. 1998. 184 с.
8. В.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 6. С. 15–20.
9. Крутовский Вл.М. Некролог В.И. Сурикову // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 175–181.
10. Матвеев Б.И. Библизмы в прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина // Русская речь. 2001. № 2. С. 3–12.
11. Мурынов М.Ф. Об идейной функции церковнославянизмов в ранних произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. Личность и творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей / сост., вступ. ст., коммент. С.Ф. Дмитренко. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2013. Т. 1. С. 732–736.
12. В.К. Областное обозрение: съезд представителей городов Вост. Сиб. в Иркутске // Сибирские записки. 1916. № 3. С. 154–170.
13. Красноярский краевой краеведческий музей. ОФ 7928/1807.
14. Броднева А.В. Кто вы, доктор Крутовский? Красноярск : Литера-Принт, 2014. 278 с.
15. Литературное наследие Сибири / под ред. Н.Н. Яновского. Новосибирск : Новосибир. книжное изд-во, 1986. Т. 7. 339 с.
16. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 308 с.
17. В.К. Областные очерки // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 152–159.
18. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений : в 20 т. М. : Художественная литература, 1965–1977.
19. Образцова И.М. Традиция средневекового смеха в музыкальной драматургии Мусоргского: к пониманию народного характера в творчестве М. Мусоргского // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. Ленинград : Наука, 1985. Т. 38. С. 411–423.
20. Журавлева А.И. Новое мифотворчество и литературоцентрическая эпоха русской культуры // Русский журнал. 2002. URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20020125_1.html
21. Григоренко Р.А. Областнический проект сибирской региональной литературы (вторая половина XIX – начало XX вв.): вопросы идеологии, идентичности, эстетики и поэтики : вып. квалиф. раб. Красноярск : СФУ, 2019.
22. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1916. № 4. С. 113–128.
23. В.К. История одной инициативы // Сибирские записки. 1916. № 4. С. 86–95.
24. Западов В.А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву». «Вольность». М. : Наука, 1992. С. 475–623.
25. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1918. № 1. С. 55–65.
26. Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 266 с.
27. Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. Н.М. Богомолова. М. : Художественная литература, 1991. 471 с.

28. Роготнев И.Ю. По краям сатирической поэтики: «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Филология в XXI веке. 2018. № 1. С. 257–267.
29. Роготнев И.Ю. Символы зла в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. К проблеме функционирования универсальной комеди в текстах просветительской сатиры // Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 7 (109). С. 90–96.
30. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1919. № 4–5. С. 96–109.
31. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М. : Центрполиграф, 2004. 687 с.
32. Блок А.А. Полное собрание сочинений : в 20 т. М. : Наука. 1997. Т. 3. 994 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 июня 2021 г.

Appeals to Classic Literature in the Journalism of Vladimir Krutovsky as a Way of Broadcasting Sociopolitical Ideas

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 59–66.

DOI: 10.17223/15617793/471/6

Vikentiy V. Chekushin, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vikisha@bk.ru

Keywords: Vladimir Krutovsky; M.E. Saltykov-Shchedrin; literary centrism; “Siberian Notes”; journal as means of consolidation.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-41-000001.

The aim of this article is to analyze the reception of works of metropolitan literature in the journalism of the Krasnoyarsk public figure Vladimir Krutovsky. The main material for the study was articles published in the journal *Sibirskie Zapiski* [Siberian Notes], which the “younger” regionalist Krutovsky founded in 1916, and which existed for about four years. The edition was conceived as a platform for uniting a part of the regionalism-minded Siberian intelligentsia. In this perspective, for Krutovsky, literature became a means of creating a “cultural field” beyond the Urals, and the publication of *Sibirskie Zapiski* in the period of sociocultural upheavals was actually equated with political action. The literary centrism of Krutovsky’s consciousness was also manifested in the fact that references to the texts of classic Russian literature regularly appeared in his journalism. The main source of precedent texts was works by M.E. Saltykov-Shchedrin. In addition to them, the publicist regularly appealed to works by A.S. Pushkin, G.I. Uspensky, and contemporary authors. As a rule, such references were explicated and put in quotation marks. Often they were mediated by the journalism of N.M. Yadrintsev – an important symbolic figure for the “younger” regionalist Krutovsky. Krutovsky appealed to Saltykov-Shchedrin’s texts mainly to criticize the actions of officials, as well as to express his own sociopolitical views. This method of reception was most clearly expressed in the post-revolutionary years, when Krutovsky criticized the initiatives of both the Bolshevik and Kolchak authorities. As can be seen from the articles of this period, the border between the contemporary reality and Saltykov-Shchedrin’s texts was practically blurred in Krutovsky’s mind, so his social criticism was saturated with appeals to the literary context. Krutovsky directly compared statesmen and officials with Saltykov-Shchedrin’s negative characters – the inhabitants of Poshekhonye (*Old Years in Poshekhonye*), Glupov (*The History of a Town*), and the provincial Krutogorsk (*Provincial Sketches*). This method of polemic made it possible to give Krutovsky’s theses greater credibility and emotional tension. The result of this method of writing was the “revival” of Saltykov-Shchedrin’s characters, who literally penetrated into the reality. In addition, Krutovsky regularly identified the circumstances of his own life with episodes from Saltykov-Shchedrin’s works. Such a combination made it possible to “enrich” the reality and increase the symbolic significance of the specific circumstances of his own social and political activities.

REFERENCES

1. Chmykhalo, B.A. (1990) N.M. Yadrintsev i G.N. Potanin kak teoretiki “sibirskoy literatury” v 70-e gody XIX veka [N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin as theorists of “Siberian literature” in the 1870s]. In: Yakimova, L.P. (ed.) *Razvitie literaturno-kriticheskoy mysli v Sibiri* [Development of literary-critical thought in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 57–74.
2. Postnov, Yu.S. (1980) *N.M. Yadrintsev – literaturoved i kritik* [N.M. Yadrintsev – literary critic and critic]. In: Yanovskiy, N.N. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo. pp. 7–18.
3. Grigorenko, R.A. (2018) The Taigans by G. Potanin and N. Yadrintsev as a Predestined Failure: The Poetics of the Conception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 24–32. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/427/3
4. Krutovskiy, V.I.M. (1919) Ot izdatelya [From the publisher]. *Sibirskie zapiski*. 1. p. 2.
5. Mogil'ner, M. (1999) *Mifologiya “podpol'nogo cheloveka”: radikal'nyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The mythology of the “underground man”: a radical microcosm in Russia at the beginning of the 20th century as an object of semiotic analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th – Early 20th Centuries: Peculiarities of Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Meshalkin, P.N. (1998) *Oderzhimye. O deyatel'nykh kul'tury Krasnoyarska na rubezhe XIX–XX vv.* [The Possessed. On the cultural figures of Krasnoyarsk at the turn of the 20th century]. Krasnoyarsk: Tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury.
8. V.K. (1909) Ocherki sibirskoy zhizni [Essays on Siberian life]. *Sibirskie voprosy*. 6. pp. 15–20.
9. Krutovskiy, V.I.M. (1916) Nekrolog V.I. Surikovu [Obituary for V.I. Surikov]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 175–181.
10. Matveev, B.I. (2001) Bibleizmy v proze M.E. Saltykova-Shchedrina [Biblicalisms in the prose of M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 3–12.
11. Mur'yanov, M.F. (2013) Ob ideynoy funktsii tserkovnoslavyanizmov v rannikh proizvedeniyakh M.E. Saltykova-Shchedrina [On the ideological function of Church Slavonicisms in the early works of M.E. Saltykov-Shchedrin]. In: Dmitrenko, S.F. (ed.) *M.E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M.E. Saltykova-Shchedrina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley* [The personality and creativity of M.E. Saltykov-Shchedrin in the assessments of Russian thinkers and researchers]. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 732–736.
12. V.K. (1916) Oblastnoe obozrenie: s'ezd predstaviteley gorodov Vost. Sib. v Irkutske [Regional review: congress of representatives of cities of Eastern Siberia in Irkutsk]. *Sibirskie zapiski*. 3. pp. 154–170.
13. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. OF 7928/1807.
14. Brodneva, A.V. (2014) *Kto vy, doktor Krutovskiy?* [Who are you, Dr. Krutovsky?]. Krasnoyarsk: Litera-Print.
15. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Novosib. knizhnoe izd-vo.

16. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.
17. V.K. (1916) Oblastnye ocherki [Regional essays]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 152–159.
18. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1965–1977) *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 t.* [Complete works: in 20 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
19. Obratsova, I.M. (1985) Traditsiya srednevekovogo smekha v muzykal'noy dramaturgii Musorgskogo: k ponimaniyu narodnogo kharaktera v tvorchestve M. Musorgskogo [The tradition of medieval laughter in Mussorgsky's musical dramaturgy: towards understanding the folk character in the work of M. Mussorgsky]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 38. Leningrad: Nauka. pp. 411–423.
20. Zhuravleva, A.I. (2002) Novoe mifotvorchestvo literaturotsentrskaya epokha russkoy kul'tury [New myth-making and literary-centric era of Russian culture]. *Russkiy zhurnal*. [Online] Available from: http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20020125_1.html
21. Grigorenko, R.A. (2019) *Oblastnicheskii proekt sibirskoy regional'noy literatury (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): voprosy ideologii, identichnosti, estetiki i poetiki* [Regional project of Siberian regional literature (second half of the 19th – early 20th centuries): issues of ideology, identity, aesthetics and poetics]. Graduation thesis. Krasnoyarsk: SFU.
22. V.K. (1916) Oblastnoe obozrenie [Regional review]. *Sibirskie zapiski*. 4. pp. 113–128.
23. V.K. (1916) Istoriya odnoy initsiativy [A history of an initiative]. *Sibirskie zapiski*. 4. pp. 86–95.
24. Zapadov, V.A. (1992) Istoriya sozdaniya “Puteshestviya iz Peterburga v Moskvu” i “Vol'nosti” [The history of the creation of “A Journey from St. Petersburg to Moscow” and “Liberty”]. In: Radishchev, A.N. *“Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu”. “Vol'nost”* [“A Journey from St. Petersburg to Moscow”. “Liberty”]. Moscow: Nauka. pp. 475–623.
25. V.K. (1918) Oblastnoe obozrenie [Regional review]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 55–65.
26. Ayzikova, I.A. & Makarova, E.A. (2009) *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh. gg.: problema dialoga* [The theme of resettlement in Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860s–1890s: the problem of dialogue]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Gippius, Z.N. (1991) *Stikhotvoreniya. Zhivye litsa* [Poems. Live faces]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
28. Rogotnev, I.Yu. (2018) On the Edges of the Satyric Poetics: “The History of a Town” by Saltykov-Shchedrin. *Filologiya v XXI veke*. 1. pp. 257–267. (In Russian).
29. Rogotnev, I.Yu. (2011) Simvoly zla v tvorchestve M.E. Saltykova-Shchedrina. K probleme funktsionirovaniya universal'noy komiki v tekstakh prosvetitel'skoy satiry [Symbols of evil in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin. On the problem of the functioning of universal comedy in the texts of educational satire]. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 7 (109). pp. 90–96.
30. V.K. (1919) Oblastnoe obozrenie [Regional review]. *Sibirskie zapiski*. 4–5. pp. 96–109.
31. Itenberg, B.S., Tvardovskaya, V.A. & Graf, M.T. (2004) *Loris-Melikov i ego sovremenniki* [Count M.T. Loris-Melikov and his contemporaries]. Moscow: Tsentrpoligraf.
32. Blok, A.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 t.* [Complete works: in 20 volumes]. Vol. 3. Moscow: Nauka.

Received: 27 June 2021